

Отзыв на автореферат диссертации

«Критика адаптационизма в эволюционной биологии и её значение для философии науки» Кузина Ивана Александровича, представленной на соискание учёной степени кандидата философских наук.

Главное достоинство работы И.А.Кузина - в донесении до российского читателя подробностей интенсивной дискуссии между сторонниками «адаптационизма» (фактически панселекционистами и ультраредукционистами, включая социобиологов) и его критиками, тяготеющих к системному пониманию популяций, видов и других субъектов эволюции, концентрации на организации и её внутренних противоречиях вместо отбора генов. Продолжаясь последние 40-45 лет, она во многом определила облик «западного» эволюционизма, но фактически осталась неизвестной отечественным специалистам – биологам, а тем более философам. Достаточно сказать, что

1) ключевая статья дискуссии, Гулда и Левонтина «Пазухи собора святого Марка...» («Spandrels...»), вышла аж в 1979 г., существенно повлияла на ход обсуждения, до сих пор обильно цитируется на Западе, но не у нас – в том числе потому, что на русский впервые была переведена в 2014 г. диссертантом;

2) в советский период панселекционизм, в том числе в виде социобиологии и эволюционной психологии, активно критиковался отечественными авторами, однако объект критики был, в общем, плохо известен – не переводили «Эгоистичный ген», «Социобиологию» и другие работы лидеров «адаптационистского» направления. После 1991 г. ситуация перевернулась на 180⁰: социобиология, эволюционная психология и «адаптационизм» стали научной модой, Докинза, Вилсона, Гамильтона и других авторов этого направления активно переводят, издают и внедряют в общественное сознание, в т.ч. при участии известного сайта популяризации науки Элементы.ру. Книжки же Гулда и Левонтина, как специальные, относящиеся к предмету дискуссии, так и научно-популярные, о биологии и науке «вообще», до сих пор не переведены и не изданы, - хотя их не меньше, «чем у Докинза», они интересней как в литературном плане, так и в отношении научной доказательности.

Иными словами, все эти 40 лет отечественные биологи, а за ними философы, более или менее внятно представляли себе только одну сторону дискуссии, а позиция и аргументы второй доходили в виде «эха от эха». Работа соискателя ликвидирует этот дефект: развитие идей обеих сторон, их обсуждение с критикой, привлечение сторонников и пр. рассмотрены автором нейтрально, взвешенно, и «на равных».

Что исключительно важно для дискуссии, имеющей не только внутринаучное, но и общественно-политическое измерение, поскольку касается природы человека и других смежных проблем – возможно или нет сведение социального к биологическому, истории к эволюции путём естественного отбора, и все лидеры этой дискуссии активно вовлекались в их обсуждение. См. например, более чем пристрастную критику Докинзом «Notinourgenes» Левонтина, Рьюза и Кэмина. К счастью, автору удалось избежать искажений или смещений, угрожающих всякому глубоко вовлечённому в изучение этой дискуссии.

Другое достоинство работы – сухой и чёткий язык, выдержанная логика изложения. Уже в первом разделе определён предмет обсуждения («адаптационизм»), проблема, относительно которой шло обсуждение («критика филогенетической адаптации» в онтологии и редукционизма с геноцентризмом в гносеологии, развившаяся до спора о расширении СТЭ, плюс социально или мировоззренчески обусловленные дискуссии о социобиологии и эволюционной психологии), лидеры дискуссии («противостояние Э.О. Уилсона и Р.Ч. Левонтина, а затем – Р. Докинза и С.Дж. Гулда»), их позиции и интеллектуальное влияние, в т.ч. за пределами биологии – в области методологии науки и истории науки. Далее автор на базе работ участников дискуссии, выделяет 1) структуру «адаптационизма» в связи с его функцией в эволюционной теории, 2) основные концептуальные изменения, вносимые критикой адаптационизма. Затем он 3)

рассматривает связь концептуальных оснований адапционистского и редуccionистского подходов в эволюционной биологии, социобиологии и эволюционной психологии и 4) Исследует возможность распространения аналогии между развитием науки и биологической эволюцией в версиях обеих сторон дискуссии.

Как биолог, занимающийся поведением птиц и теорией эволюции, следивший за дискуссией с начала 1980-х гг., должен сказать, что автор в целом справился с поставленной задачей описания и анализа. Тем самым цель диссертационного исследования («конкретизировать понятие адапционизма в эволюционной биологии и определить значение критики адапционизма для проблемы редуccionизма в философии биологии, проблемы презентизма в историографии эволюционной биологии и проблемы научного реализма в философии науки») в целом достигнута в той части, о которой могу судить, т.е. кроме проблем истории науки.

Единственное замечание – обсуждение идей, о которых спорили (понятийный аппарат и теоретические конструкции эволюционной биологии) стоило бы анализировать собственно данные исследований (эволюционных, поведенческих и пр.), которыми участники дискуссии старались усилить собственные объяснения и атаковать конкурирующие. Как верно заметил автор, «столкновение теорий» в конечном счёте ведёт к истине не потому что одна из них одолевает другую «здесь и сейчас», сколько потому что оказывается более перспективной для развития соответствующей концепции «на длинной дистанции», чем её конкурентки. И здесь не обойтись без анализа эмпирических данных, которые сторонами предъявлялись для обсуждения, подтверждались и опровергались.

В конечном счёте решают именно они; сейчас уже ясно, что позиция «адапционистов» соответствует данным много хуже взглядов их критиков; плюс она «экстремально узка», не позволяет понять или даже «увидеть» целый ряд важных феноменов, от происхождения групповых адаптаций, не нуждающееся ни в групповом отборе, ни в отборе родичей, до большей устойчивости и распространённости социальной моногамии в сравнении с генетической у разных видов птиц и млекопитающих. Поэтому Е.Вилсон в 2008 г. «убивает своё детище», отбор родичей, а социобиологические схемы происхождения альтруизма, социальности, взаимоотношений полов подвергаются мощной критике Дж.Раугарден; выполненное в её работах имитационное моделирование безусловно опровергает эти концепты и в целом поддерживает идеи критиков «адапционизма» в соответствующих областях. Неслучайно также геноцентризм и другие аспекты редуccionизма «адапционистов» критикует классик популяционной генетики Р.Левонтин, и отстаивает негенетик Вилсон и писатель бестселлеров мировоззренческого плана Докинз, не публикующий оригинальных исследований с 1989 г. Можно надеяться, что анализ собственно биологических данных станет темой дальнейших исследований автора.

Главное замечание к работе – автор до некоторой степени лукавит, представляя советских, а после российских биологов участниками дискуссии (на стороне критиков «адапционизма»). Они адресовались отнюдь не Уилсону с Докинзом, а коллегам в нашей стране, где ситуация в эволюционной теории отличалась от западной, отчасти в лучшую сторону, отчасти наоборот. Если коротко, в ходе соединения дарвинизма с популяционной генетикой и отчасти биологией развития в эволюционизме XX века выделились и противопоставились друг другу два направления, которые можно условно назвать «правым и левым флангом дарвинизма».

Первый - это классический «майровский» вариант СТЭ; его представители отдают явное предпочтение приспособительной гибкости «ветвей» перед филогенетической «косностью» «ствола» эволюционного дерева, то есть изменчивость приспособительных реакций индивидов и вариативность специализации «ветвей» филогенетического древа здесь оказывается важнее филогенетической устойчивости типа. Или, иначе, «на правом фланге» эволюционной теории априори предполагается примат гибкости частных

адаптаций перед филогенетической устойчивостью адаптаций широкого значения и их направленным развитием в некотором ряду прогрессивных изменений.

В силу такой познавательной позиции «правый фланг дарвинизма» можно рассматривать как теорию *«эгоистического индивидуализма» субъектов и процессов эволюции* в противоположность системно-иерархическому взгляду на первые и вторые. Тогда социобиология и эволюционная психология будут «ультраправым» или, точнее, «либертарианским взглядом на эволюцию», так как здесь независимым субъектом последней, имеющим собственную отдельную эволюционную судьбу, и эгоистически/оппортунистически приспособляющимся к среде обитания, оказываются уже не виды и популяции, а особи или даже гены.

«Левый фланг» образуют теории, отдающие примат филогенетической косности «общего» ствола по сравнению с «адаптивной гибкостью» «ветвей». Наиболее известные представители – теория стабилизирующего отбора И.И.Шмальгаузена и эпигенетическая концепция эволюции Шишкина-Уоддингтона, основанная на эффекте Болдуина – генокопировании адаптивных модификаций, возникающих в рамках прямого приспособления.

Критика адапционизма, исследованная в работе – это фактически критика «правого крыла» аргументами «левого», но без его теории (работы Шмальгаузена благодаря Добжанскому были переведены на английский ещё в 1949 г., но особо не повлияли) и отчасти с позиций «центристов», к которым всё больше сдвигался Э.Майр. Дискуссия продолжается до сих пор, так долго и ожесточённо, поскольку естественный выход из столкновения противоположностей – новый синтез в западном эволюционизме так и не был достигнут.

Однако он был достигнут в нашей стране, в рамках теории стабилизирующего отбора Шмальгаузена – Уоддингтона, и наследовавшей ей эпигенетической концепции эволюции, с её представлением об адаптивном компромиссе, конструктивных противоречиях организации и эволюционировании как их разрешении, задающем направленность этого процесса в большей степени «организацией», чем отбором; ни индивиды, ни гены не «эгоистичны», а «обслуживают» воспроизводство «конструкции» эволюционирующей биосистемы, будь то видовой морфотип или паттерн пространственно-этологической структуры популяций того же вида. Поэтому здесь соответствующая дискуссия даже не началась: «советский» вариант СТЭ, «с Северцовым и Шмальгаузенем», и был искомым разрешением спора (не завершённым, но способным к развитию, и развивающимся даже сейчас – см. исследования децентрализованной регуляции в морфогенезе Н.Н.Марфениным и «Эволюцию и морфогенез» В.Г.Черданцева), на Западе – не может закончиться.

Как показал историк науки Лорен Грэхем, это различие связано с господством марксизма в советский период; даже в «схоластическом» варианте он исключительно плодотворен для разрешения данной дискуссии в сторону синтеза, что отмечал Э.Майр в статье 2004 г. «Корни диалектического материализма». Неслучайно один из лидеров критики адапционизма – Р.Левонтин – марксист, к марксизму с симпатией относился Стивен Джей Гулд и пр. Вообще (частное замечание автору) стоило бы осветить собственно философскую подоснову взглядов участников дискуссии, в плане обозначения-необозначения приверженности разным философским системам, степени сознательности этой последней и пр. Возможно, что соответствующий материал есть в тексте диссертации.

Это был плюс советской социальной ситуации, минус же состоял, в целом, в непродуктивности критики «адапционизма». «Дарвинизм» входил частью в советскую идеологию, тем более что марксизм представляет собой пример независимой выработки использования принципов адапционизма в области социальных наук, причём «умеренного» или, точнее, системного, избегшего крайностей редуccionизма и холизма.

Поэтому известная часть исследователей увлекалась недарвиновскими теориями эволюции по вненаучным причинам - ради защиты идеализма, как номогенетики А.А.Любищев, С.В.Мейсен, или нападков на дарвинизм, но в разрешённой форме, в виде критики социобиологии и других «западных теорий». Понятно, что всё это кончилось после 1991 г., «адапционизм» стал майнстримом, а большая часть критиков сменила позицию на противоположную (М.Л.Бутовская) или перестала писать на эти темы (Ю.П.Плюснин); из них продолжает критику фактически лишь Е.Н.Панов. «Номогенетики» же тратили силы на опровержение хорошо и бесспорно доказанного – действительности отбора, вместо того чтобы исследовать (внутри организма, внутри популяции или во внешней среде) факторы направленности, как бы «подсказывающие» организации, «куда ей меняться» при данном соотношении селективных давлений. Их описание и систематизация продемонстрировало бы действительный номогенез, поскольку с точки зрения СТЭ (в любом варианте) они запрещены.

Всё это, на мой взгляд биолога, интересовавшегося дискуссией в те же годы, не имеет отношения к ней, поскольку не повлияло ни на позицию отечественных биологов по данным вопросам, ни тем более на обсуждения в «западном» эволюционизме. Игнорирование этого, социального, аспекта проблемы с «прицеплением» отечественных биологов к дискуссии, в которой они не участвовали, можно поставить в упрек автору. Ещё одно частное замечание: помимо геноцентризма, редукционизма и биологизаторства, «адапционизму» присуща приверженность к импакт-гипотезам в области эволюции экосистем, вроде метеоритных обоснований массовых вымираний, с неприятием эндогенных причин тех же событий.

С.н.с. биологического ф-та МГУ
К.б.н.

Фридман В.С.

ПОДПИСЬ РУКИ
ЗАВЕРЯЮ

Документовед биологического факультета МГУ

В.С.

25.05.2016

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», биологический факультет, кафедра высших растений

Адрес: 119234, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 12, биологический факультет, сектор Б2

Контакты: (495)-939-50-19, vl.friedmann@gmail.com